
Посольство Артамона Матвеева к гетману Богдану Хмельницкому в 1657 г.

Кирилл Кочегаров

The Artamon Matveyev diplomatic mission to the Hetman Bohdan Khmelnytsky in 1657

Kirill Kochegarov

(Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.7868/S086956871803010X

В конце 1656 г. русско-украинские отношения вступили в наиболее сложный из времен Переяславской рады 1654 г. период. Решение царского правительства пойти на перемирие с Речью Посполитой и начать военные действия против Швеции было весьма неоднозначно воспринято в Чигирине, где находилась ставка гетмана Богдана Хмельницкого. Здесь борьбу со шляхетской республикой не считали завершённой. Вопреки позиции царя Алексея Михайловича Хмельницкий продолжал поддерживать активные отношения со Швецией, находившейся в состоянии войны с Россией. Он предлагал королю Карлу X Густаву заключить военный союз; вёл переговоры с Трансильванией и в итоге вошёл в направленную против Речи Посполитой коалицию Швеции, Трансильвании и Бранденбурга.

В начале 1657 г. казачьи полки под командованием киевского полковника Антона Ждановича вместе с трансильванским войском вступили на польскую территорию. Для царского правительства эти известия были неприятны. Они означали фактическое прекращение тесной координации внешней политики Чигирина и Москвы. Для исправления ситуации в феврале 1657 г. в Чигирин выехал В.П. Кикин. Значимых результатов эта миссия не принесла, как и следующее посольство Ф.В. Бутурлина, побывавшее в гетманской столице в июне 1657 г. Помимо того, в лагерь трансильванско-казачьих войск отправился И.А. Желябужский, который должен был потребовать разрыва союза со Швецией и Трансильванией и возвращения казаков домой¹.

К моменту приезда посольства Бутурлина гетман был уже сильно болен. На аудиенции 4 июня, сославшись на «великую скорбь», он не смог, как обычно, встретить послов у крыльца и отказался обсуждать с ними «дела». Лишь во время торжественного обеда Хмельницкий, прибегнув к посторонней помощи, встал, чтобы выпить за государево здоровье кубок венгерского вина. Переговоры, состоявшиеся между царскими послами и гетманом, были острыми, стороны обменялись резкими упреками. Российская сторона обвинила Хмельницкого в заключении союза со Швецией, Трансильванией и Дунайскими княжествами без ведома Москвы, требовала прекращения этих отношений и отзыва корпуса А. Ждановича. Казачий вождь, «сердитуя», заявил о надёжности шведского союза, отказавшись его разорвать, равно как и возвратить Ждановича.

© 2018 г. К.А. Кочегаров

¹ *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 156–166, 209–212, 227–232, 252–261.

Последовали обвинения, что царь хочет отступить от Украины в пользу Польши, помирившись с ней на условиях Поляновского мира 1634 г. и даже послав против казаков и их союзников войско в помощь полякам. Украинская сторона убеждала русских дипломатов в невозможности избрания царя на польский престол, подчёркивала необходимость окончательно покончить с Речью Посполитой и даже предлагала посредничество в заключении мира со Швецией. На последней встрече с Хмельницким 13 июня обстановка несколько разрядилась, однако до компромисса было далеко. Несмотря на уверения гетмана и генерального писаря И.О. Выговского в своей верности царю и их заявлений, что союз с Дьёрдем II Ракоци и Карлом X Густавом заключён лишь ради стремления не допустить их соединения с Польшей и разорения будущих подданных Алексея Михайловича, в своей отписке в Москву непосредственно перед выездом домой русские послы не строили иллюзий, полагая, что Чигирин даже готов пойти на окончательный раздел польских земель с союзниками: «Так бы учинить, будто корона Польская и не бывала». Из таких сведений царь и его советники должны были сделать вывод, что перспективы получения русским государем польской короны сильно осложняются.

Парадоксально, но единственной позитивной новостью для русской стороны стало обострение турецко-татарской угрозы. Хан потребовал от Хмельницкого не только прекратить боевые действия против Польши, но и выступить против Трансильвании и Дунайских княжеств, что вынуждало последнего делать перед русскими дипломатами заявления о готовности идти на царских врагов — «бусурманов»². И хотя на этот раз прямого обращения за царской военной помощью, о которой гетман просил через посредство своего посланца Фёдора Коробки в мае 1657 г.³ не последовало, это наметило перспективы дальнейшего смягчения украинской позиции в отношении России. Во время пребывания Бутурлина в Чигирине туда прибыли шведский и трансильванский посланцы. Московские дипломаты настаивали на объявлении им содержания переговоров, что частично сделал Выговский, предоставивший им также соответствующие подлинные документы из гетманской канцелярии. Перед самым отъездом послов, 15 июня, генеральный писарь сообщил, что Хмельницкий приказал Ждановичу отойти со своим отрядом к Каменцу-Подольскому, получив известие о движении туда польских войск⁴.

На фоне растущего напряжения в русско-украинских отношениях важное значение имела поездка на Украину одного из доверенных царских дипломатов А.С. Матвеева. Значение этой миссии неоднократно подчёркивалось в научной литературе, однако до сего дня историки полагали, что никаких материалов о ней (за исключением краткого упоминания в письме от гетмана к царю и послания писаря Ивана Выговского самому Матвееву, в котором тот напоминал о недавнем уговоре сообщать «новые» вести гетманского двора⁵) не сохра-

² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией (далее — АЮЗР). Т. 3. 1638—1657. СПб., 1861. С. 559—571, 575—588. Ср.: *Грушевский М.С.* История України-Руси. Т. 9. Кн. 2. Київ, 1997. С. 1250—1252, 1378, 1411—1427; *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 231—232, 252—255.

³ *Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 1377.

⁴ АЮЗР. Т. 3. С. 574—575, 583—584, 587—588; Т. 11. 1672—1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Стб. 685—686. Позднее решение об отзыве А. Ждановича Хмельницкий выдавал за исполнение соответствующего царского указа (*Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 258).

⁵ Переписка гетманов Левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом. 1654—1764 гг. Сборник документов / Отв. ред. и сост. Е.Е. Рычаловский. Т. I. Гетманство Богдана Хмельницкого. 1654—1657 гг. М., 2017. С. 270; АЮЗР. Т. 11. Стб. 758—759.

нилось. Выводы о содержании переговоров делались на основе современного им свидетельства из вторых рук — дневниковых записей трансильванского посла Ф. Шебеши⁶. Используя подобную источниковую базу, наиболее обстоятельно посольство Матвеева рассмотрел М.С. Грушевский, выводами которого пользовались последующие исследователи⁷.

Статейный список посольства А.С. Матвеева и дьяка Ивана Фомина хранился в архиве Тайного приказа и после смерти царя Алексея Михайловича, в ходе многолетнего разбора приказных бумаг был в 1683 г. отослан в Малороссийский приказ⁸. Исследователям пока отыскать его не удалось, но по крайней мере часть статейного списка Матвеева (окончание) сохранилась. Она была вплетена в книгу Малороссийского приказа, содержащую более поздние документы (главным образом 1710-х гг.), и потому оставалась неизвестной историкам⁹.

Поездка Матвеева была вызвана получением в Москве известий о переговорах Хмельницкого касательно перехода последнего в подданство шведского короля. Обсуждались не только условия союза, но и передача Карлу X Густаву территорий в районе Днепра для строительства крепостей и сбора в его пользу торговых пошлин на Украине¹⁰. По данным Ф. Шебеши, Матвеев и Фомин прибыли в Чигирин 24(14) июня 1657 г. Переговоры проходили напряжённо, Хмельницкий, будучи сильно болен, отказался принимать царскую грамоту стоя, заявив, что не встанет и перед Богом. Царские эмиссары потребовали от гетмана не только разорвать союз с Трансильванией, Швецией, Молдавией и Валахией, но и обратить свои войска против них, и лишь затем — против Речи Посполитой. Хмельницкий не только отказался сделать это, но и якобы угрожал выступить против русских войск, если Россия окажет вооружённую помощь Польше. Он заявил, что его подчинение царю не предусматривало выполнения любых его требований, тем более в условиях, когда казаки сами отвоевали свою свободу от Польши. Более того, казачий вождь якобы требовал передать русское войско для борьбы с татарами под свою команду. В другом месте дневника Шебеши отмечено, что и этого Хмельницкий не желает, чтобы царь позже не требовал себе казачьих земель взамен на оказанную поддержку.

Согласно венгерскому источнику, в разговоре с Иваном Выговским московские послы обвинили Хмельницкого в ведении самостоятельных, без ведома царя, сношений со Швецией и Трансильванией, потребовали сообщить им содержание переговоров с находившимися в Чигирине трансильванским и шведским послами и даже выдать самих послов. В ответ Выговский заявил, что Хмельницкий «у себя в стране такой же король либо князь», как и царь, и угрожал выступить против России в союзе с татарами, венграми и шведами. В выдаче послов было отказано. Матвеев и Фомин в ответ якобы пугали генерального писаря русским наступлением на Украину. Наконец, по свидетельству Шебеши,

⁶ См. новейшую публикацию и современный перевод большей части этих свидетельств: Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. С. 359–361.

⁷ *Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 1383–1384, 1438–1440; *Смолий В., Степанков В.* Богдан Хмельницкий. Социально-политический портрет. Київ, 2009. С. 598; *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 241–242, 255–257.

⁸ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской археографической комиссией (далее — РИБ). Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. Стб. 645, 648. Тогда же было передано и дело, содержавшее отписки А.С. Матвеева, однако оно пока не найдено (Там же. Стб. 648–649).

⁹ РГАДА, ф. 229, оп. 2, д. 120, л. 147–152.

¹⁰ *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 241–242.

Хмельницкий планировал разорвать отношения с Москвой, если бы ему удалось окончательно договориться с Карлом X и помириться с татарами¹¹.

Разбирая данный источник, М.С. Грушевский справедливо отметил, что в донесениях трансильванского дипломата мало конкретики. Они не только соединяют информацию про «первое» (Ф.В. Бутурлина) и «второе» (А.С. Матвеева) московские посольства, побывавшие в гетманской столице одно за другим, но и содержат немало характеристик русско-украинских отношений общего характера, которые к упомянутым переговорам отношения, скорее всего, не имели. Не доверяя, как кажется, полностью той степени резкости, с какой изобразил состояние дел между Москвой и Чигирином венгерский дипломат, учёный задался вопросом: «Не знати в яких тонах: більше різких чи більше м'яких доручено було Матвееву вести сі переговори». В целом он описал их в более конструктивном и прагматичном духе, нежели Шебеши, не имея, однако, в своем распоряжении каких-то дополнительных данных¹². Б.Н. Флоря, в свою очередь, отметил, что трансильванский посол «мог узнать о переговорах лишь то, что находили нужным сообщать ему приближённым гетмана». Исследователь в целом солидарен с Грушевским в том, что Матвеев «поехал в Чигирин с категорическим требованием разорвать все связи с Карлом Густавом и его союзниками», однако полагает невозможным установить, какие предложения озвучил Матвееву Хмельницкий и как он отреагировал на русскую позицию¹³.

Упомянутый выше фрагмент статейного списка А.С. Матвеева позволяет ответить по крайней мере на часть поставленных исследователями вопросов и проверить высказанные ими предположения, а также верифицировать свидетельство трансильванского источника. Документ описывает завершающую часть русско-украинских переговоров в Чигирине — канун и ход отпускной аудиенции русских дипломатов, а также их неформальное общение с Выговским до и после неё. К сожалению, нет возможности точно определить день, когда она состоялась, можно лишь утверждать, основываясь на дате и содержании упомянутого выше гетманского письма царю, что случилось это за несколько дней до 10 июля.

Накануне визита Матвеева и Фомина к гетману их посетил Выговский, объявивший: «Вам, Артемону и Ивану, нынешняго дня у него, гетмана, быт на отпуске, а как время будет, и в те поры под вас пришет лошади». Затем пришли трое писарей (подписков) гетманской канцелярии во главе с Герасимом Каплонским для согласования текста гетманской грамоты царю. В ходе неформальной беседы они повторили уже высказанные ранее русским представителям заявления о сильном недовольстве Чигирина недопуском казацких дипломатов на польско-российские переговоры под Вильно и о возникших в связи с этим опасениях, что царь откажется от украинских земель в обмен на польскую корону: «А после того в розговорных речех говорили, после-де виленской комиссии к гетману Богдану Хмельницкому приехали ево посланцы, а сказали, что царского величества великие и полномочные послы в шатер не пушали и ничего им ведат не дали. И у гетмана-де, и у полковников, и у всего Войска Запорожского было сумнение большое, и гетман-де Богдан Хмельницкой с полковниками о том радил не по одиножды, как-де учинитца великий государь наш его царское величество на Коруне Польской и на Великом княжестве Литовском королем, и нас-де казаков ляхом выдаст, и нам-де от них будет гонение и обиды такие ж, как и преж

¹¹ Русская и украинская дипломатия... С. 361; *Грушевський М.С.* Указ. соч. С. 1438–1440.

¹² *Грушевський М.С.* Указ. соч. С. 1383–1384.

¹³ *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 242, 255.

сего от них было»¹⁴. На проходивших по этому поводу старшинских радах Хмельницкий даже ставил вопрос: «Не поискат ли-де нам иного государя»? Эту идею полковники не поддержали, в том числе и из-за опасений протеста рядовых казаков: «Того-де себе и не помышляй, что то дело учинит, не токмо нам, и тебе казаки за такое дело не умолчат, а быт нам по прежнему своему челобитью и по присяге под высокою рукою великого государя нашего, его царского величества до своей смерти». Столкнувшись с такой позицией, казацкий вождь «о том деле рады отставил». Вслед за подписками на двор к послам приехал отец генерального писаря, Остап Выговский, подтвердивший речи писарей¹⁵.

В целом эта информация не стала новостью для русского правительства. Ещё 23 мая О. Выговский сообщал Ф.В. Бутурлину о заявлениях Хмельницкого, что «треба отступить от руки царского величества» и поддаться под власть иного государя или даже «бусурман» (турок и татар), против чего на раде решительно выступили полковники («отказали впрямь»), упросив гетмана остаться под властью царя¹⁶. Однако в этот раз Матвеев услышал важное дополнение — полковники отказали Хмельницкому, опасаясь массового недовольства казаков, от которого могло не поздоровиться и самому гетману. Именно данный фактор выступил основной причиной отказа Хмельницкого от его планов, а не уговоры И.О. Выговского, как убеждал в этом Бутурлина отец генерального писаря ранее.

Несмотря на сильное и длительное недомогание, на прощальной аудиенции Хмельницкий встретил послов стоя, хотя и возле постели, в плаще, накинутом поверх рубахи («а как пришли в светлицу, и гетман Богдан Хмельницкой стоит у постели на одну рубашку в чюге¹⁷»). Вопреки той информации, которую записал Шебеши, гетман просил простить его за посылку на помощь Ракоци корпуса Ждановича без воли царя и обязался впредь этого не делать: «И учал гетман говорит речь, чтоб великий государь наш, его царское величество, милость показал, велел ему вину отдать, что он бес повеления великого государя нашего, его царского величества, полковника Антона с Войском Запорожским, сложас с венграм Ракоцею, и с муляны, и с волохи, и с свейским королем, посылал воеват ляхов, а впред-де он, гетман, бес повеления великого государя нашего, его царского величества, войско в войну никуда не пошлет и никому помочи не учинит». Одновременно Хмельницкий просил Алексея Михайловича «показать» царскую милость над ним, гетманом, «и надо всем Войском Запорожским», оказав помощь «своими ратными людьми, как турецкие люди и крымской хан со всею ордою совокупяс с ляхи, наступят войною царского величества на черкаские городы». В связи с этим он также официально объявил русским дипломатам об отправлении в Константинополь посольства Лаврина Капусты. Гетман лукавил, заявляя, что послал его «против грамоты царского величества», полученной с возвращавшимся из Москвы украинским представителем Ф. Коробкой¹⁸. Капуста уже завершал свою миссию в Османскую империю в момент, когда Коробка 18 мая получил отпускную аудиенцию в подмосковном с. Покровском¹⁹. Однако само

¹⁴ РГАДА, ф. 229, оп. 2, д. 120, л. 147–148.

¹⁵ Там же, л. 148.

¹⁶ АЮЗР. Т. 3. С. 555–556. М.С. Грушевский, анализируя данные известия, предполагает, что указанная старшинская рада состоялась вскоре после получения вестей о Виленском перемирии, т.е. в конце 1656 г. См.: *Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 1250–1253.

¹⁷ Чуга — разновидность плаща, верхней накидки.

¹⁸ РГАДА, ф. 229, оп. 2, д. 120, л. 148–150.

¹⁹ *Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 1354–1355, 1378.

решение Хмельницкого объявить о посольстве в Турцию, о котором ранее царю и его советникам известно не было, весьма показательно.

Матвеев подтвердил готовность царя оказать просимую гетманом помощь, если турки «похотят Днестр перейти и наступят царского величества на черкаские городы». Одновременно он потребовал, чтобы Хмельницкий «по указу великого государя нашего, его царского величества, с Войском Запорожским шол войною на свейского короля или в свое место ково послал». Высказанное в историографии предположение о требовании русским правительством полного разрыва шведско-украинских связей находит в статейном списке полное подтверждение. Крайне важна и интересна реакция на это Хмельницкого — совершенно иная, нежели описанная Шебеши. Гетман, вовсе не желавший далее обострять отношения с Россией, согласился выступить против шведов после того, как «успокоитца» война с ордой и турками: «И гетман Богдан Хмельницкой говорил, что ему ныне с Войском Запорожским на свейского короля войною итти не мочно и в свое место послати нелзя, потому что турецкие люди и крымской хан со всею ордою и с ляхи идут войною царского величества на черкаские городы, а как та война успокоитца и он, гетман, со всем Войском Запорожским на свейского короля и на всех царского величества неприятелей войною итит готов». С этими словами Богдан Хмельницкий вручил послам свой «лист» к великому государю, и, прощаясь, «поклонился ниско, а говорил со слезами, чтоб-де великий государь наш, его царское величество, пожаловал нас милостию своею как начал, а мы должны ему, великому государю, служит и на неприятели ево царского величества готовы»²⁰.

Русские послы отправились на постоянный двор, куда вскоре приехал Выговский с гетманским подарком для них — двумя лошадьми и кормовыми деньгами «в дорогу» (17 руб. для Матвеева и 8 — для Фомина). В тот же день они выехали из Чигирина. Провожавший послов на выезде из города Выговский также сообщил им о значительных разногласиях в стане антипольской коалиции — между Ракоци, шведами и казаками Ждановича, которые «розошлис в недружбе за корысть»²¹. Эти свидетельства отличались от полученных Бутурлиным, который не смог собрать точных сведений о местонахождении и действиях корпуса А. Ждановича²².

Как справедливо отметил Б.Н. Флоря, переговоры Матвеева проходили уже в иных условиях, чем те, в которых действовала миссия Бутурлина, несмотря на короткое время, прошедшее с момента отъезда последней из Чигирина. Приходили тревожные сообщения о выдвижении к Каменцу-Подольскому польских войск, поддерживаемых австрийскими подкреплениями²³, всё более очевидной становилась неудача с поддержкой трансильванских претензий на польскую корону: об этом Выговский уже прямо сообщил Матвееву. Из проведённого Грушевским анализа сведений Шебеши следует, что эта информация окончательно подтвердилась в то время, когда в Чигирине появились Матвеев и Фомин²⁴. Это вызвало заметный поворот гетманского двора к Москве. Хмельницкий сообщил

²⁰ РГАДА, ф. 229, оп. 2, л. 120, л. 149–151.

²¹ Там же, л. 151–151 об., 152. Подробней о грабежах, падении дисциплины и ссорах в трансильванско-казачком войске, в том числе из-за добычи см.: *Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 1389–1390, 1408–1409, 1434–1435, 1441. Сам А. Жданович позднее жаловался И.А. Желябужскому, что Ракоци брал с польских городов «откуп», а ему «на войско не давал» (РИБ. Т. 8. СПб., 1884. Стб. 1262).

²² АЮЗР. Т. 3. С. 585.

²³ *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 256.

²⁴ *Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 1441–1442.

Матвееву и Фомину о готовности принять все требования царского правительства, обещая не только порвать со шведами, но и выступить против них, винился за посылку Ждановича, открыто просил царской военной помощи против турок и татар. Прощаясь с царскими послами, старый и больной гетман расчувствовался до слёз.

Сохранившийся фрагмент статейного списка Матвеева и Фомина подтверждает, что усилия российской дипломатии, настойчиво требовавшей от Хмельницкого изменения внешнеполитической линии, наконец-то принесли плоды. Матвеев твёрдо придерживался взятого курса, и Чигирин, ввиду значительно осложнившихся внешнеполитических обстоятельств, должен был уступить. Эти изменения гетманской политики стали для царя и его советников очевидными сразу по завершении миссии Матвеева и Фомина, ещё до прибытия в Москву посольства П. Тетери. Последнее стало логичным продолжением описанных выше переговоров, хотя данная миссия очерчивала перемены в позиции Хмельницкого не так выпукло, как следовало из речей гетмана московским послам на прощальной аудиенции. В грамоте, привезённой Тетерей, Хмельницкий вновь выражал готовность добиваться избрания царя польским королём, но основной акцент делал на русской помощи против крымского хана. Что касается Швеции, то гетман осторожно пытался вернуться к идее посредничества в заключении мира. В таком же духе вели переговоры и украинские представители, сообщая о готовности Чигирина принять мир России как с поляками, так и со шведами, прося от имени гетмана прощения за то, что «он, гетман, виленской комиссии не принял», и выражая готовность обсуждать конкретные условия движения царских войск на Украину для отражения крымцев²⁵.

В свете анализа фрагмента новооткрытого статейного списка становится очевидным, что от Шебеши смена позиции Хмельницкого ускользнула. Подтверждаются предположения исследователей, считавших, что трансильванский дипломат получал от казацких представителей искажённую соответствующим образом информацию, которая скорее характеризует обстановку переговоров с Бутурлиным, нежели с Матвеевым. Следовательно, венгерские данные о миссии последнего лишь весьма условно могут быть признаны адекватными её реальному содержанию. Они скорее могут считаться отражением настроений украинской верхушки в плане как отношений с Россией, так и политического статуса казацкого политического образования в целом.

Следует признать, что изменение позиции Хмельницкого незадолго до кончины было обусловлено совершенно конкретными обстоятельствами — развалом казацко-трансильванско-шведского альянса и угрозой оказаться перед лицом польско-татарской лиги без союзников. В этой сложной ситуации, как уже бывало ранее, единственной опорой Чигирина оставалась Россия, отношения с которой, несмотря на недавние острые разногласия, сохраняли для гетмана и его окружения стратегическое значение. Впрочем, не успел П. Тетеря покинуть Москву, как в столицу пришло известие о смерти старого гетмана. Наметившийся курс на нормализацию русско-украинских отношений оказался перед новыми вызовами и проблемами, связанными с необходимостью выстраивать отношения с преемниками Богдана Хмельницкого.

---

²⁵ Переписка гетманов Левобережной Украины... Т. I. С. 269–271; АЮЗР. Т. II. Стб. 721–724, 741–750. Ср.: *Грушевський М.С.* Указ. соч. С. 1445–1450; *Флоря Б.Н.* Русское государство... С. 257–258.